

О ТОМ, КАК МЕНЯ ИСПОЛЬЗОВАЛИ В КАЧЕСТВЕ ВЫШИБАЛЫ

ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
МЕТОДОБЪЕДИНЕНИЯ

Почему меня так боятся молодые специалисты?» – недоумеваю я, идя в начальную школу. Вроде я всегда тихий, корректный и вежливый. Но когда моя коллега просит, чтобы я не приходил на открытый урок к другой коллеге, – это уж слишком.

– Понимаешь, – говорит мне Настя. – У тебя авторитет здесь слишком большой, а они мне иногда жалуются, что боятся тебя как огня.

– Ну уж, – скромно отрицаю я, хотя доволен.

– Говорят, что при тебе всё из рук валится.

– Ладно, – великодушен я. – У меня всё равно урок в третьем классе.

В результате каждое окно я трачу на начальную школу. После уроков меня вызывает к себе завуч и требует полного отчёта.

Итак, что у нас сегодня? Я открываю свою тетрадь. Ага, в 3 «А» я был два раза, в 3 «Б» два раза. Сегодня первый раз 3 «В» класс – и молодая преподавательница, работающий первый год. Как её там? А, вот запись – Ирина Александровна. Посмотрим, посмотрим, Ирина Александровна, на ваших деток. И я поднимаюсь на второй этаж.

КУЧА МЕЛОЧЕЙ

Переменка, детки носятся, играют. Как приятно с малышами, никаких серьёзных про-

МИХАИЛ КОЧЕРГИН,

*учитель математики,
председатель школьного
методобъединения, г. Пятигорск,
Ставропольский край*

**Один учитель ходит
на уроки к другому
учителю, пишет отчёты
и отдаёт завучу.**

**А спустя некоторое время
проклинает себя
за эти анализы уроков.
Если бы он только знал,
для чего они будут
использованы...**

исшествий (позже я понял, что это не так). Вот и учительница. Увидела, вскочила, поздоровалась. Нервничает – это плохо.

– Где мне можно сесть? – спрашиваю я и уточняю: – Чтобы никому не мешать.

– Здесь, – Ирина Александровна показывает мне место за средним рядом, на последней парте.

Я сажусь и открываю тетрадку. Звонок – и я начинаю фиксировать всё, что происходит вокруг меня. И сразу получаю.

– Дети, – проникновенно говорит учительница, – У нас сегодня гость.

Меня передёргивает. Я знаю, что последует дальше, и первое замечание ложится ко мне на бумагу, с пометкой «сразу, после урока».

– Это ваш будущий учитель математики, – говорит она радостно, – Михаил Владимирович.

Детки во все глаза на меня. Оказавшись в центре восхищённого внимания, я киваю и говорю: «Здравствуйте, рад познакомиться с вами, третий класс».

– А теперь все на меня, – командует учительница, и начинается урок.

Урок проходит на очень неплохом методическом уровне, хотя дети, отвечая, всё время поглядывают на меня – как я воспринимаю их ответы. И, конечно, волнуются. Я нейтрален, только позволяю себе кивать на правильные ответы.

Очень неплохо, думаю я, хотя дети волнуются. Вижу отношение детей к учителю, вижу отношение учителя к ученикам, и мне Ирина

Александровна начинает нравиться. Но при этом есть куча мелочей, которые очень странно выглядят и создают не менее странное впечатление от урока. Я пока не определился. Не обходится без грубой ошибки. Девочка, вся рыжая-рыжая, завертелась и уставилась куда-то в пространство.

– Аня, отвечай! – прерывает её состояние учительница, и Аня попадает впросак. Что-то пытается сказать, но мыслей явно нет, при этом густо краснеет и глядит на меня виновато и испугано.

– Аня, – не выдерживает учительница, – хватит ворон ловить! Займись делом на уроке! Ясно? Прекрати отвлекаться!

Повышенный тон меня коробит, но не потому, что он такой, а потому, что он при мне. Аня садится, ещё раз со стыдом смотрит на меня и начинает тихо плакать. Я её понимаю – она опозорилась передо мной, своим будущим учителем.

Урок идет дальше, у меня кончается четвёртый лист. Вот итоги урока («Ай, молодец», – отмечаю я), оценки, и, за минуту до звонка, урок заканчивается. Домашнее задание разобрано, можно заканчивать.

– Третий «вэ», – говорит Ирина Александровна. – Вы меня сегодня разочаровали! Плохо работали, запинались. Так нельзя.

Я вздыхаю, дожидаюсь, пока она отпустит детей на перемену и подхожу к ней. Она заполняет журнал, поворачивается ко мне и сжимается на стуле.

Я НЕУМОЛИМ

– Ну как? – робко спрашивает она.

– Всё нормально, – говорю я. – Просто отлично. Только можно вам сказать пару слов?

– Да, конечно, – засуетилась она. – Пройдёмте в соседнюю комнату.

Мы проходим в соседнюю комнату и садимся.

– Говорить? – улыбаюсь я.

– Конечно, – отвечает она и добавляет то, из-за чего вырастает на голову в моих глазах. – Мне это нужно.

– Тогда слушайте, – я открываю свою тетрадь, она в неё смотрит с увеличивающимся ужасом в глазах, наблюдая свою схему передвижения во время урока.

– Первое, – я стараюсь быть корректным. – В самом начале ваша фраза «Это ваш будущий учитель математики». Никогда, подчёркиваю, никогда не говорите больше так.

– Я хотела... – начинает она, но сама себя перебивает. – Почему?

«Умничка», – думаю я и продолжаю:

– Из-за этого дети часть внимания на уроке стали тратить на меня. Из-за этого и качество ответов и работоспособность упали. Потом ещё не известно, а вдруг я не буду их учителем математики? Вдруг я просто так пришёл? Представьте себе их разочарование, когда в пятом буду не я. И тогда получится,

что вы их обманули. Я сам не уверен в том, что будет завтра. Откуда вы знаете?

Она сидит вся красная и нервно стискивает руки. Но молчит.

– Далее, второе, – я неумолим, – На девятнадцатой минуте урока у вас проблема с Аней. Это грубая ошибка. Не надо было...

– Делать ей замечание при вас, – заканчивает она.

– Правильно, – подтверждаю я. – Это ваши дети и вы «опустили» Аню при мне, если говорить просто. Видели, как она расстроилась? Без меня – пожалуйста. Но со мной – вы должны говорить, какие они хорошие. Какие они умницы. А получается, что вы их ещё и отругали. Они же теперь как в воду опущенные. Это неэтично по отношению к вашему классу.

– Я поняла, – говорит Ирина Александровна, и я чувствую, что она действительно поняла.

– А так, – говорю я, – урок мне очень понравился. Особенно элементы устного счёта и ваши воспитательные моменты на уроке. «Спинки подтянули» и прочее. Просто прелесть.

– Я сама не ожидала, – слегка зарделась она, – что на них так это будет действовать.

– Видно, что вас дети любят, – говорю я, – видно, как вы их любите. В общем, все у вас прекрасно. Только несколько мелочей подправить и всё будет просто замечательно.

– Спасибо, – говорит мне она. – А вам кто-нибудь сейчас понравился?

Я показываю ей несколько имен в рамочке. Она кивает, довольная, что наши мнения совпадают.

– Ладно, мне пора, – прощаюсь я. – До свидания, ждите меня ещё.

– С удовольствием, – говорит она и не врёт.

Я выхожу из комнаты и иду к лестнице. Меня обгоняет паренёк.

– Возьмите, – протягивает он мне конфету. – Возьмите, пожалуйста!

– Спасибо, – первая мысль отказать, но понимаю, что обижу. – Спасибо, – напрягаюсь и добавляю: – Ростик.

Ростислав смотрит на меня с изумлением, переходящим в почтение. Потом он счастливо улыбается, говорит «до свидания» и убеждает назад.

Я смотрю ему вслед, держа в руке конфету, и про себя добавляю ещё раз: «Спасибо».

– Ну как? – спрашивает меня завуч. – Как тебе эта новая учительница?

Я честно рассказываю ей всё.

– Запиши свой анализ, – говорит мне завуч. – Это не обязательно, но заместитель директора по начальной школе попросила меня об этом.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Завтра я опять в «А» и «В» иду.

Спустя некоторое время я проклял себя за эти анализы уроков.

Если бы я только знал, для чего они будут использованы. Если бы я только знал.

И СНОВА ОТЧЁТ ЗАВУЧУ

Урок математики в 3 «В». Тема урока: периметр и площадь прямоугольника. Цель: итоговое повторение материала. Это уже четвёртый урок в этом классе. По-прежнему уроки отличные, но мелочи, мелочи. Почему? Я пытаюсь это понять, и у меня не получается.

По-прежнему Ирина Александровна требует с меня отчёта о своих уроках, я разъясняю ей её недочёты, она их исправляет, но появляются новые. Да, их стало меньше, но меня удивляет их наличие. Я не могу понять причину их возникновения. Хотя я очень радуюсь тому, что она работает над собой в профессиональном плане. Более того, я восхищён.

– Я не понимаю, – Васю, первого из отмеченных мною учеников, заклинивает на периметре.

– Что не понимаешь? – учительница удивлена.

– Почему у квадрата со стороны столько-то периметр больше, чем у прямоугольника с такими-то сторонами.

Вася доведён.

Я старательно фиксирую происходящее. Ирина Александровна застряла. Объясняет раз, другой, третий. Вася в истерике. Он плачет, срывается, но не понимает. Пять минут, шесть. И она не выдерживает.

– НУ ЕСЛИ ТЫ ТАКОЙ, – кричит она, – ТО Я УЖЕ НЕ ЗНАЮ, ЧТО С ТОБОЙ ДЕЛАТЬ!

Вася поникает и плачет на парте. Учительница ведёт урок, нервно, но всё-таки доводит его до конца достаточно грамотно.

Я еле сдерживаюсь. Все просто, я проблему решил и не могу понять, почему её не видит Ирина Александровна.

Вася – визуалист. У него развито зрительное восприятие материала. А на доске нарисованы квадрат и прямоугольник. Причём визуально квадрат меньше, чем прямоугольник. Вася не может сопоставить три факта – размеры на доске, написанные измерения и получившийся по ним периметр. Они у него расходятся. Да, это почти ошибка. Для первого и второго класса это серьёзно, для третьего – всё-таки не так. Но раз хотя бы Васе этого недочёта учителя хватило, чтобы не понять, – значит, это ошибка грубая.

После урока я объясняю ей ошибку и заодно рассказываю про типы восприятия. Я уверен, что такого больше не повторится.

Как всегда отчёт завучу.

– Как они тебе понравились, – довольна она. – Ты просто молодец. Правильно делаешь.

ПРОСТИТЕ, ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Потом было совещание учителей начальной школы, заместите-

лей директоров и учителей математики, где все наши отчёты были зачитаны, и было довольно яростное выяснение единства требований к оформлению, благо ошибок хватало. Это было в последний раз, когда я видел, как пытались вместе работать начальная школа и среднее звено.

После конца учебного года, Ирина Александровна ушла. Вдруг, срочно вышла из декретного отпуска учительница, причём раньше времени, и её попросили покинуть школу-интернат № 2. Я немного поудивлялся: почему, ведь оттуда ушло два учителя? Вроде бы недобор, а тут...

Ирина Александровна пришлась не по душе коллективу начальной школы. Её долго и упорно пытались выжить и способ всё-таки нашли. Это я узнал от неё.

В сентябре она пришла в школу, и 5 «В» радостно затащил её ко мне в кабинет. Я показал ей работы её класса, похвалил детей, которые были просто на седьмом небе от счастья. Потом, уже на улице, мы остались одни.

– А почему вы не остались? – спросил я, и она изменилась в лице.

– Я умоляла Инну Васильевну дать мне класс, – прерывающимся голосом сказала она. – Но она ни в какую. Говорит, что у меня нет педагогического образования.

– Как нет? – я потерялся на миг.

– Я химик, – объяснила она, – химик-технолог. А вы не знали?

– Нет, – меня даже пошатнуло.

– Они сказали, что я не имею права работать в начальной школе. А я их умоляла, просила, а все без толку... Дескать, я слишком много ошибок совершаю на уроках. По справкам, составленным на основании каких-то анализов моих уроков. А они у меня никогда не сидели.

– Блин... – я перестал замечать всё вокруг.

Я всё понял. Откуда были те мелочные недочёты в её работе, не свойственные учителю начальной школы. Откуда правильное и математически грамотное оформление заданий. У неё не было педагогического образования. Она не проходила педагогику.

Я попрощался с ней, пожелал удачи и прошёл в кабинет. Там я подошёл к доске и опёрся на неё лбом, пытаясь охладить голову, ставшую немилосердно горячей. Потом не выдержал.

– Гады, – застонал я и начал бить по доске. – Гады, гады, гады! Сволочи! Что же мы делаем!

Только боль в руке заставила меня остановиться. Я сел, опусто-

шённый. Я понял, на основании каких бумаг всё было сделано. Как вычистили моё восхищение и оставили мои замечания. Как воспользовались мною, чтобы вышвырнуть Учителя – не по образованию, а по призванию.

– Почему? – взвыл я, промывая руку в ведре с чистой водой. – Почему?

Почему нельзя было направить её на обучение? Ей не хватало самого малого – чуть-чуть знаний, чуть больше информации, чуть подучить её, чтобы она к своим интуитивным задаткам прекрасного учителя добавила это самое проклятое педагогическое образование.

Я сел за стол. На столе стояла чашка с водой. Я поднял её, сделал глоток, потом отставил и посмотрел на неё повнимательнее, как будто видел в первый раз. Чашка была мне подарена заместителем директора по начальной школе.

– Простите, Ирина Александровна! – сказал я громко в пустой кабинет. – Простите меня.

И швырнул чашку в стену.